

ПОЛИТИКА США В СВЯЗИ С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ БАГДАДСКОГО ПАКТА И ОБРАЗОВАНИЕМ БЛОКА СЕНТО (1958–1960 гг.)

Анализируются причины слабости Багдадского пакта/СЕНТО и отношение к этому блоку Соединенных Штатов в один из критических периодов его истории, связанных с выходом из пакта Ирака в 1959 г.

Ключевые слова: Багдадский пакт; внешняя политика США.

Одной из наиболее актуальных задач политики Соединенных Штатов Америки на Ближнем и Среднем Востоке в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны было образование региональной военно-политической организации, нацеленной на сдерживание Советского Союза. В американском госдепартаменте и британском Форин оффис разрабатывались планы создания так называемых «Средневосточного командования» и «Средневосточной оборонительной организации», предполагавшие участие в них как арабских государств, так и Израиля. Эти проекты не были реализованы из-за усилившегося арабо-израильского противостояния и восприятия блоковой политики Вашингтона и Лондона в арабском мире как попытки сохранения колониального господства западных стран. В мае 1953 г. состоялась поездка Дж. Ф. Даллеса – государственного секретаря в администрации президента США Д. Эйзенхауэра по странам Ближневосточного региона. В результате этой поездки глава американской дипломатии предложил сосредоточить усилия на формировании блока стран «северного яруса» региона, прежде всего Турции, Ирана и Пакистана. Эти государства находились в непосредственной близости к южным границам СССР, и их отношения с Израилем не были столь острыми, как у большинства арабских стран [1. С. 117–137].

Активизации блоковой политики администрации Д. Эйзенхауэра в немалой степени способствовала позиция Великобритании, настойчиво склонявшей Соединенные Штаты к более активному участию в совместной защите интересов западных стран на Ближнем и Среднем Востоке. Доминировавшая в американском правительстве Г. Трумэна точка зрения о том, что ответственность за оборону Ближневосточного региона должна быть возложена преимущественно на Англию, при Д. Эйзенхауэре постепенно сменилась пониманием, что Великобритания, прежде всего по экономическим причинам, больше не может играть на Ближнем Востоке ту роль, которая отводилась ей в стратегии Организации Североатлантического договора (НАТО).

По замыслу американского руководства основу будущего блока стран «северного яруса» должен был составить союз между Турцией и Пакистаном, что связывало бы его с НАТО, членом которой была Турция, и другим планируемым к созданию военно-политическим объединением – Организацией договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в которое должен был войти Пакистан. Американская версия блоковой политики на Ближнем и Среднем Востоке наталкивалась на возражения Великобритании, настаивавшей на том, что фундаментом блока стран «северного яруса» должен стать договор между Турцией и Ираком. Британское правительство исходило

из значимости иракской и кувейтской нефти для английской экономики и традиционно тесными связями между Лондоном и Багдадом.

Расхождения между США и Великобританией отражали различные цели, которые преследовали госдепартамент и Форин оффис. Соединенные Штаты главной задачей будущего блока стран «северного яруса» считали противодействие распространению влияния Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке, а Великобритания рассчитывала обеспечить бесперебойные поставки ближневосточной нефти в Западную Европу. Лондону удалось отстоять свое видение ближневосточной военно-политической организации. В Вашингтоне посчитали, что на данном этапе вопрос о построении блока либо вокруг турецко-пакистанского союза, либо на основе турецко-иракского альянса не является принципиальным. Гораздо важнее было положить начало военно-политическому сотрудничеству стран региона.

24 февраля 1955 г. в Багдаде представители Турции и Ирака подписали договор о взаимном сотрудничестве. Позже к турецко-иракскому пакту, получившему название «Багдадский», присоединились Великобритания, Пакистан и Иран. Соединенные Штаты не вошли в состав этой организации. Во многом это объяснялось негативной реакцией арабского мира на создание Багдадского пакта. В столицах арабских государств вхождение в новый международный пакт Ирака, который населяли в основном арабы, было воспринято как попытка Запада расколоть арабский мир. Вступление США в Багдадский пакт, как объясняли представители госдепартаментов США на слушаниях в комитете сената по внешней политике, неминуемо вызвало бы давление со стороны израильского руководства, которое могло потребовать одновременного предоставления гарантий безопасности Израилю, что, в свою очередь, не могло не осложнить отношений Соединенных Штатов с арабскими странами [2. С. 18–19]. Активную пропагандистскую деятельность против Багдадского пакта вскоре начал Египет – крупнейшая страна арабского мира.

Американские надежды на то, что Багдадский пакт станет барьером для проникновения Советского Союза в Ближневосточный регион, оказались беспочвенными. В сентябре 1955 г. египетское правительство Г.А. Насера подписало соглашение с Чехословакией о поставках советского оружия. Пытаясь повлиять на внешнюю политику Каира, США и Великобритания предприняли политический и экономический нажим на египетское руководство, что отчасти привело к возникновению острого так называемого Суэцкого международного кризиса на Ближнем и Среднем Востоке. Осенью 1956 г. Великобритания совместно с Францией и Из-

раилем участвовали в неудавшейся попытке силового свержения Г.А. Насера. Суэцкий кризис 1956 г. вызвал угрозу дезинтеграции Багдадского пакта, поскольку руководства стран «северного яруса» вынуждены были соотносить свои действия с настроениями среди общественности, симпатизировавшей египетскому лидеру. На совещаниях глав мусульманских государств – членов Багдадского пакта 5–8 ноября в Тегеране и 19–21 ноября в Багдаде была осуждена тройственная агрессия против Египта, а Ирак и Пакистан даже потребовали исключить Великобританию из числа участников пакта [3. С. 65; 4. С. 168]. Выход из сложившейся ситуации члены Багдадского пакта видели во вступлении в эту организацию Соединенных Штатов.

Руководство США предпочло пойти по другому пути: в начале 1957 г. администрация Д. Эйзенхауэра выдвинула новую ближневосточную инициативу, провозглашавшую Ближний и Средний Восток сферой американских национальных интересов, угрозой которым являлось распространение «международного коммунизма». Эта инициатива, одобренная американским конгрессом и получившая название «доктрина Эйзенхауэра», предполагала оказание военной помощи странам Ближневосточного региона. Тем самым Соединенные Штаты делали ставку на развитие двусторонних отношений с государствами региона, предпочитая сохранять свободу действий. Желая, в то же время, не допустить усиления центробежных тенденций внутри Багдадского пакта, США вступили в военную комиссию пакта, по-прежнему отказываясь от полноценного членства в нем.

14 июля 1958 г. в Ираке произошла революция, свергнувшая монархический режим короля Фейсала II. Новые иракские власти во главе с полковником А.К. Касемом не скрывали своих стремлений выйти из Багдадского пакта. Штаб-квартира пакта, располагавшаяся в иракской столице, была опечатана, а делегация Ирака не приняла участие в заседании очередного Совета министров Багдадского пакта, который проходил в Лондоне 28–29 июля 1958 г.

Государственный переворот в Багдаде и прогнозируемый выход Ирака из Багдадского пакта подрывали устои британской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. На Дж.Ф. Даллеса, участвовавшего в работе Лондонской сессии Совета министров Багдадского пакта, оказывалось сильное давление со стороны участников сессии в целях вступления США в пакт. Д. Эйзенхауэр рекомендовал госсекретарю «не принимать скоропалительных решений... не поддаваться эмоциям» [5. С. 111–112]. Снизить давление на Соединенные Штаты и успокоить участников пакта, по замыслу Вашингтона, должно было подписание 28 июля 1958 г. совместной декларации участников сессии, включая США. В этой декларации говорилось, что «правительство Соединенных Штатов, действуя в интересах сохранения мира и опираясь на полномочия, предоставленные ему конгрессом, готовы сотрудничать со странами, заключившими данную декларацию, в целях их безопасности и обороны» [6. С. 305].

Выход Ирака из Багдадского пакта не казался Соединенным Штатам катастрофическим для интересов ведущих стран НАТО. Наоборот, как подчеркивал помощник госсекретаря США Р. Мерфи, возврат к первоначально

предлагавшейся Соединенными Штатами схеме турецко-пакистанского союза мог бы в некоторой степени стабилизировать ситуацию в регионе и сделать ее менее сложной и запутанной [5. С. 113–114, 126]. Поскольку Ирак, в отличие от Турции и Ирана, не имел общей границы с СССР, то его выход из Багдадского пакта не имел серьезных последствий для стратегии США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке.

Руководство США оказалось перед выбором следующих вариантов трансформации Багдадского пакта: роспуск этой организации; вхождение в нее Соединенных Штатов; выход из пакта не только Ирака, но и Великобритании; сохранение прежнего формата блока с тем же составом участников за исключением Ирака и, разумеется, под другим названием [5. С. 143–144].

Развал Багдадского пакта казался ведущим странам НАТО наиболее нежелательным вариантом. Несмотря на некоторую аморфность этой организации, отсутствие единой командной структуры и несогласованность военных планов, роспуск Багдадского пакта означал бы серьезный провал блоковой политики Запада. Было бы подорвано доверие к США и Великобритании со стороны стран «северного яруса» и могла возникнуть опасность падения прозападных режимов в Анкаре, Тегеране и Карачи. Как указывал видный американский дипломат, работавший в свое время послом США в Турции, Дж. Макги, Багдадский пакт или его правопреемник должен был обеспечить развитие связей между Турцией и Ираном, удерживая Тегеран в сфере западного влияния [7. Р. 160]. Для этого Соединенные Штаты планировали поощрять такие проекты турецко-иранского сотрудничества, как соединение железных дорог Ирана и Турции в районе Захедана, урегулирование проблем использования водных ресурсов пограничных рек Сарысу и Карасу, модернизация гавани турецкого порта Трапезунд и др. [8. С. 156–158].

Выход из состава участников пакта единственной арабской страны – Ирака, казалось, снимал препятствия для вступления в эту региональную организацию Соединенных Штатов. Участие США в Багдадском пакте в качестве полноправного члена могло снизить опасность дезинтеграции пакта, тем более что, как сообщала американская разведка, оппозиционные силы в Турции призывали к выходу их страны из Багдадского пакта [5. С. 208]. На вхождении США в пакт настаивала и Великобритания. Однако отрицательные последствия американского членства в ближневосточном пакте казались руководству Соединенных Штатов весомее. Вступление в Багдадский пакт, как опасались в Вашингтоне, могло привести к тому, что мусульманские участники пакта сосредоточатся на усилении своей военной мощи, требуя увеличения американской военной помощи. Став членом пакта, Соединенные Штаты обострили бы свои отношения с Индией и Афганистаном и осложнили процесс налаживания контактов с новым иракским режимом. Явно негативной прогнозировалась и реакция Советского Союза и Г.А. Насера [5. Р. 228]. Американское руководство не могло не учитывать опыт создания Багдадского пакта, одним из последствий появления которого стали поставки советского оружия в Египет, Сирию и после революции 1958 г. – в Ирак.

О желательности выхода Англии из состава Багдадского пакта намекали Дж. Ф. Даллесу на Лондонской сессии пакта представители Турции. Отказ от полноправного членства Великобритании в Багдадском пакте, при сохранении, например, статуса наблюдателя, мог снять обвинения в адрес этой организации в том, что она являлась проводником империалистических интересов Запада. Однако, как отмечал британский посол в Анкаре Б. Барроус, выход Великобритании из этого пакта не решил бы существовавшие проблемы и только лишь усилил разногласия как между ведущими странами НАТО и государствами «северного яруса», так и между самими мусульманскими членами пакта [9. С. 112–113]. Достаточно острыми, например, были отношения между Тегераном и Карачи из-за Белуджистана, входившего в состав Пакистана и отторгнутого у Ирана в 1896 г. при активном участии Англии. Иран претендовал также на Бахрейнские острова, находившиеся под протекторатом Великобритании.

Выход из Багдадского пакта ударял бы по государственному престижу Англии. Кроме того, как подчеркивал британский министр иностранных дел С. Ллойд, поддержка Багдадского пакта со стороны Великобритании была важна для противостояния распространению советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке [10. С. 240]. Членство Великобритании в Багдадском пакте создавало определенные оперативные возможности для защиты британских интересов на Ближнем и Среднем Востоке. После Суэцкого кризиса Англия сосредоточилась на обеспечении своих интересов в районе Персидского залива – в нефтедобывающих княжествах Аравийского полуострова и Кувейте. Свои интересы британское руководство было намерено защищать, если понадобится и силой, а для этого Великобритании нужно было сохранить за собой возможность беспрепятственной переброски в Ближневосточный регион военной техники и личного состава. Территории Турции и Ирана рассматривались в Лондоне в качестве своеобразных транзитных коридоров для перелетов британской авиации с Кипра, где находилась крупнейшая военная база Великобритании в Восточном Средиземноморье.

Таким образом, Соединенные Штаты и Великобритания предпочли оставить Багдадский пакт в прежнем составе с учетом вероятного выхода Ирака и при сохранении в перспективе возможности вступления США в его ряды в случае угрозы распада этой организации. Отказ Соединенных Штатов от вступления в Багдадский пакт на данном этапе американское правительство собиралось компенсировать укреплением двусторонних отношений с участниками пакта и организацией более тесного экономического сотрудничества между членами Багдадского пакта. На шестой сессии Совета пакта, проходившей в Карачи 26–28 января 1959 г., было решено создать в рамках пакта межнациональный фонд по поддержке экономических проектов. Размер фонда определялся суммой 150 тыс. долл. Для формирования фонда по 50 тыс. долл. вкладывали США и Великобритания и оставшиеся 50 тыс. долл. составлял вклад стран «северного яруса» [11. С. 1018–1020]. Достаточно скромный размер фонда говорил о том, что ведущие страны НАТО собирались поддерживать лишь кон-

кретные экономические проекты развития стран региона. В феврале 1959 г. Турция получила заем от США, Великобритании и Международного банка реконструкции и развития в размере 350 млн долл. Американская доля в этом займе составила 234 млн долл. [12. С. 146].

5 марта 1959 г. Соединенные Штаты заключили двусторонние соглашения с правительствами Турции, Ирана и Пакистана. Текст этих соглашений был практически идентичен. В этих двусторонних соглашениях заявлялось, что «в случае агрессии» против этих государств «правительство Соединенных Штатов в соответствии с конституцией США примет соответствующие меры, включая использование вооруженной силы... для того, чтобы оказать помощь» правительствам этих стран [6. С. 306–307]. Формат этих соглашений не требовал специального согласия конгресса. Упоминание о конституции явно свидетельствовало о желании американского руководства связать выполнение этих соглашений с «доктриной Эйзенхауэра». Тем самым Соединенные Штаты давали понять, что выполнение ими обязательств в рамках данных соглашений возможно лишь в случае вооруженного конфликта с Советским Союзом, но не при обострении межгосударственных отношений внутри региона. Тем не менее британская «Таймс», выдавая скорее желаемое за действительное, отметила, что «подписанные Америкой соглашения с Персией и Турцией фактически явились заменой военных аспектов Багдадского пакта. Произошло то, чего Америка хотела избежать» [13].

Тегеран оказывал наиболее сильное давление в пользу вступления США в Багдадский пакт. Беспокойство шаха М. Реза Пехлеви вызывало отсутствие эффективных, на его взгляд, гарантий безопасности Ирана. Если Турция могла рассчитывать на поддержку НАТО, а Пакистан – СЕАТО, то Иран оставался единственным участником Багдадского пакта, с которым Запад не был связан договорными обязательствами военного порядка. Иранский шах рассчитывал не только на американские гарантии безопасности, но и на увеличение военной помощи со стороны Соединенных Штатов.

Политика США в отношении Ирана имела сложный характер. Явные проамериканские взгляды шаха Ирана еще не могли гарантировать абсолютного доверия к нему со стороны официального Вашингтона. Соединенные Штаты считали М. Реза Пехлеви слишком слабым, нерешительным и тщеславным руководителем, что было тем более опасным, что экономика Ирана, несмотря на рост доходов от добычи нефти, находилась в конце 1950-х гг. в упадке, а разрыв между социальными группами населения возрастал (ежегодные доходы Ирана от добычи нефти выросли от 90 млн долл. в 1955 г. до 285 млн долл. в 1960 г.) [14. С. 75–77]. Серьезную тревогу американских правящих кругов вызывало усиление влияния в Иране марксистской партии «Тудэ». Для противодействия укреплению позиций «Тудэ» Соединенные Штаты активно помогали шаху создавать репрессивный аппарат, в частности – САВАК – «Организацию разведки и безопасности Ирана» [15. С. 98]. Большое влияние на американо-иранские отношения произвела Революция 1958 г. в Ираке – как возможный сценарий развития событий и для Ирана. Через несколько недель после государственного переворота в

Багдаде Дж. Ф. Даллес говорил Д. Эйзенхауэру: «Будущее шаха представляется довольно мрачным, если не убедить его начать реформы» [16. С. 217].

Однако в первую очередь американское руководство решило пойти навстречу просьбам шаха об увеличении военной помощи со стороны США. Иранская армия в конце 1950-х гг. получила 75 истребителей F-84G, 70 реактивных самолетов «Сэйбр», произведенных по лицензии в Канаде и 200 танков «Пэттон» [17. Р. 44]. Полученная американская военная помощь лишь вдохновила М. Реза Пехлеви усилить нажим на Соединенные Штаты в целях увеличения американской военной и экономической помощи. Традиционным аргументом шаха стали его сетования на то, что в 1950-е гг. Иран получил военной и экономической помощи от США в два раза меньше, чем Югославия (которая получала в основном американскую экономическую помощь), в три раза меньше, чем Турция, и в четыре – чем Тайвань [14. С. 77].

Соединенные Штаты были против увеличения военной помощи региональным участникам Багдадского пакта из-за опасений, что эта помощь будет направлена не на сдерживание Советского Союза, а на решение региональных задач политики стран «северного яруса». На это, в частности, указывало американское посольство в Карачи, отмечая, что постоянные требования Пакистана об американской военной помощи свидетельствовали о желании пакистанских властей усилить свои стратегические возможности для противостояния с Индией [18. С. 487–488].

Американо-пакистанские отношения в конце 1950-х гг. выстраивались на основе зыбкого баланса между желанием поддерживать дружественные отношения как с Пакистаном, так и с Индией и стремлением использовать Пакистан в своих стратегических целях. В начале 1959 г. между США и Пакистаном была достигнута секретная окончательная договоренность о предоставлении Соединенным Штатам в аренду базы военно-воздушных сил в Бадабере, в 16 км от Пешавара, на севере Пакистана. Эту базу американское руководство было намерено использовать для полетов самолета-разведчика «У2» над территорией СССР. Здесь же предполагалось разместить станцию радиолокационного слежения. Необходимо отметить, что создание баз для американских ВВС вблизи южных рубежей Советского Союза было одной из главных целей блоковой политики США на Ближнем и Среднем Востоке [19. С. 615; 20. С. 91; 21. С. 255]. В ответ на договоренность о базе в Бадабере пакистанское руководство во главе с генералом Аюб-ханом рассчитывало на увеличение американских военных поставок, но, как признавал заместитель госсекретаря США Д. Диллон, программа военной помощи США Пакистану «задумывалась как политическая мера, призванная ускорить вступление Пакистана в региональные военные пакты» [19. С. 660–661].

В отношениях ведущих стран НАТО с государствами «северного яруса» вопросы стратегии являлись постоянными источниками разногласий. В Анкаре, Тегеране и Карачи считали, что США и Великобритания не уделяют должного внимания укреплению обороноспособности Багдадского пакта. В Вашингтоне и Лондоне действительно полагали, что на Ближнем и Среднем

Востоке возникновение вооруженного конфликта с СССР было менее вероятно, чем в Европе или на Дальнем Востоке. Поэтому Соединенные Штаты и Англия сопротивлялись планам стран «северного яруса» по созданию масштабной эшелонированной конвенциональной обороны региона с неременным присутствием здесь американских и британских наземных войск.

Ни США, ни, тем более, Великобритания не располагали необходимыми экономическими возможностями для размещения на Ближнем и Среднем Востоке крупных вооруженных сил. Соединенные Штаты в рамках провозглашенного Д. Эйзенхауэром «нового взгляда» на внешнюю политику надеялись сократить военные расходы, активнее используя ядерное устрашение. Великобритания планировала к 1962 г. сократить свои вооруженные силы с 690 тыс. до 375 тыс. человек, снижая одновременно расходы на оборону с 10 до 7% ВВП [22. С. 163]. Британский Комитет начальников штабов со всей откровенностью признавал: «У нас нет ни людей, ни денег, чтобы сделать Багдадский пакт в данных обстоятельствах эффективным с военной точки зрения» [23. С. 45].

Американская стратегия на Ближнем и Среднем Востоке исходила из того, что в случае гипотетического начала военных действий наземные силы из числа турецкой и иранской армий могут понадобиться лишь на небольшой промежуток времени, чтобы сдержать первый натиск противника, пока не будет пущено в ход ядерное оружие. Это положение оспаривала Англия, считавшая, что в случае реальных военных действий применение конвенциональных сил может оказаться и более длительным. Но и американское, и британское руководство планировали осуществлять оборону региона не в приграничных с Советским Союзом районах – на линии хребтов Эльбурс, охватывавших южный берег Каспийского моря, а вдоль горных хребтов Заргос на юго-западе Ирана и на линии Эрзурум – озеро Ван в Турции [24. С. 80–81; 25. С. 86–87]. Эти планы не устраивали Турцию и Иран, поскольку в случае начала военных действий им пришлось бы сознательно уступить значительную часть своей территории.

Американское и британское правительства были невысокого мнения о боеспособности турецкой и, особенно, иранской армий. Вашингтон и Лондон не обсуждали с мусульманскими участниками Багдадского пакта свои собственные планы ведения войны с Советским Союзом. С одной стороны, в случае начала военных действий у ведущих стран НАТО все равно не оставалось бы времени для консультаций со странами «северного яруса» по поводу применения ядерного оружия. С другой – в Вашингтоне и Лондоне испытывали серьезные сомнения относительно способности региональных участников Багдадского пакта удерживать эту секретную информацию в тайне [24. С. 84]. Кроме того, три четверти наземных сил турецкой армии были задействованы в военных планах НАТО, и перенацеливать эту часть вооруженных сил Турции на нужды региональной обороны руководство Североатлантического альянса не собиралось [26. С. 123].

Координация военных планов ведущих стран НАТО с Турцией, Ираном и Пакистаном осложнялась еще и отсутствием четкого взаимопонимания между США и Великобританией. Соединенные Штаты упорно отка-

зывались разрабатывать совместно с Англией планы ведения военных действий на Ближнем и Среднем Востоке, хотя обмен информацией и коллективный анализ текущей обстановки не только не запрещался, но и поощрялся [27. С. 480–482]. Учитывая ослабевающие финансовые возможности Великобритании, английская сторона старалась от случая к случаю убедить своих американских коллег, что сложная обстановка на Ближнем и Среднем Востоке требует постоянного присутствия значительного контингента американских войск в регионе [5. С. 233–235]. Под сложной обстановкой британское руководство понимало скорее не обострение американо-советского противостояния, а усиление арабского национализма, чреватого возникновением локальных конфликтов.

Интерес Великобритании к обороне Багдадского пакта значительно снизился после того, как 24 марта 1959 г. Ирак официально вышел из этого пакта. Англия решила воспользоваться этим обстоятельством, чтобы эвакуировать свои базы военно-воздушных сил в Ираке – в Хаббани и Шуайбе, несмотря на то что А.К. Касем предлагал британскому послу в Багдаде Х. Тревельяну оставить эти базы за англичанами при условии доступа к ним иракских ВВС [28. С. 154–155]. С военной точки зрения после выхода Ирака из Багдадского пакта эти базы утратили свое прежнее значение в британской политике на Ближнем и Среднем Востоке, и Великобритания решила эвакуировать их по собственной инициативе, не дожидаясь соответствующего требования иракского руководства.

Официальный выход Ирака из Багдадского пакта ускорил трансформацию этой организации и поиск нового названия. Варианты наименования, выдвигавшиеся США и Великобританией, отражали различия в подходах к пакту между Вашингтоном и Лондоном. Британская сторона предложила два варианта названия: «Ближневосточная региональная организация» и «Региональная организация Юго-Западной Азии». В свою очередь, Соединенные Штаты выдвинули наименования «Организация обороны северного яруса» и «Организация сотрудничества по обороне Западной Азии». Таким образом, Великобритания стремилась дистанцироваться от военной направленности организации, а Соединенные Штаты хотели избежать привязывания названия к Ближневосточному региону, чтобы не осложнять отношений с другими странами этого района мира. Существовал еще нейтральный вариант наименования блока, который отстаивали сами страны «северного яруса» – «Организация договора Турции, Ирана и Пакистана» – «ТИПТО» («Turkey, Iran, Pakistan Treaty Organization») [9. Р. 114–116]. В итоге на совещании в Анкаре 21 августа 1959 г. было решено переименовать Багдадский пакт в «Организацию центрального договора» (СЕНТО – «Central Treaty Organization»), подчеркивая, что эта организация занимает центральное географическое положение между НАТО и СЕАТО.

Символично, что первый совет ближневосточной военно-политической организации под новым названием состоялся 7–9 октября 1959 г. в Вашингтоне. До сих пор Соединенные Штаты успешно отклоняли просьбы о проведении саммитов Багдадского пакта на американской территории. Очередной отказ мог укрепить

недовольство членов блока и усилить их требования о вступлении США в СЕНТО. По инициативе Соединенных Штатов на вашингтонской сессии Совета СЕНТО обсуждались в основном экономические проекты. Новый госсекретарь США К. Гертер, сменивший умершего в мае 1959 г. Дж. Ф. Даллеса, отметил, что общая сумма американской экономической помощи Турции, Ирану и Пакистану увеличилась с 300 млн долл. в 1958 г. до 470 млн долл. в 1959 финансовом году. В то же время глава американской дипломатии подчеркнул, что «Соединенные Штаты не могут подписываться под всеми экономическими проектами СЕНТО» [29. С. 583; 5. С. 241–243].

Руководство Соединенных Штатов явно пыталось не допустить усиления давления со стороны стран «северного яруса» и, особенно, Ирана в пользу увеличения американской военной помощи. Как указывал Д. Диллон, разработка нескольких небольших экономических проектов должна была помочь укреплению позиций шаха у себя в стране и отвлечь внимание М. Реза Пехлеви от требований военного характера [5. С. 237].

С точки зрения обороноспособности Иран был наиболее уязвимым звеном в СЕНТО. В подчинении у шаха было только три полноценные дивизии. Согласно иранскому законодательству шах не имел права отдавать вооруженные силы страны под иностранное командование и не мог размещать иностранные войска на территории Ирана в мирное время [24. С. 88, 102]. Поэтому М. Реза Пехлеви активнее других участников СЕНТО настаивал на вхождении США в этот блок и увеличении американской военной помощи. Тем самым шах рассчитывал укрепить не только внешнюю, но и внутреннюю безопасность, учитывая, что ни Багдадский пакт, ни его преемник – СЕНТО, не были особенно популярны у иранской общественности.

Соединенные Штаты испытывали тревогу, что Иран может попытаться использовать американскую военную помощь в своих интересах. Например, после революции 1958 г. в Ираке резко обострились отношения между Багдадом и Тегераном. Правительство А.К. Касема заявило о переименовании Персидского залива в Арабский, а Иран в ответ возобновил свои претензии в отношении границы по реке Шатт-эль-Араб [8. С. 107–108]. Возникновение ирано-иракского вооруженного конфликта не входило в планы американской дипломатии, и руководство США стремилось обратить внимание шахского режима, что у него есть другие, гораздо более важные проблемы, чем территориальный спор с Ираком.

14 декабря 1959 г. Д. Эйзенхауэр, совершавший турне по 11 европейским и азиатским странам, прибыл в Тегеран. Включение Ирана в список стран, которые посещал американский президент, само по себе должно было сказать о значимости Ирана для внешней политики США. Вместе с тем, выступая перед иранским парламентом – меджлисом, Д. Эйзенхауэр заявил: «...хотя мы у себя в Америке тратим огромные суммы денег для того, чтобы обеспечить свою безопасность и помочь нашим союзникам, мы не забываем, что одна лишь военная сила не принесет мир и справедливость, необходимо укреплять духовную и экономическую мощь» [6. С. 309]. Тем самым президент США отвергал претензии Ирана на увеличение американской военной помощи.

Позиция Соединенных Штатов вызывала недовольство мусульманских участников СЕНТО. Посольство США в Тегеране сообщало о том, что региональные участники блока считают, что в Вашингтоне не относятся к СЕНТО всерьез, а их самих воспринимают как «детей». В связи с этим представители местных правительств частным образом уже заявляли о том, что если Соединенные Штаты не изменят свой подход к СЕНТО, то они сами пересмотрят свое отношение к этой организации [5. С. 249–250].

Данный подход стран «северного яруса» угрожал распадом СЕНТО, что могло оголить правый фланг обороны НАТО на Балканах и Восточном Средиземноморье. Чтобы не допустить развала СЕНТО, Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США предлагал вступить в эту организацию, создать единую командную структуру, вооружить иранскую и пакистанскую армии ракетами «земля – воздух» «Хок», разработать планы тактической ядерной поддержки СЕНТО, тесно увязать военные планы НАТО, СЕНТО и СЕАТО [5. С. 281–285].

Предложение американских военных не встретило поддержки в Белом доме. От членства в СЕНТО Соединенные Штаты по-прежнему удерживали политические соображения и наличие ряда разногласий между участниками этой организации, чреватых втягиванием США в локальные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке. Создание командной структуры СЕНТО могло вызвать резко негативную реакцию Советского Союза и арабских стран. К тому же шах Ирана, ссылаясь на иранское законодательство, настаивал на передаче именно ему командования войсками СЕНТО, что оспаривалось турецкими и пакистанскими лидерами.

Чтобы снизить нажим на США со стороны, в частности Пакистана, администрация Д. Эйзенхауэра, ссылаясь на «особенные нужды пакистанской армии», согласилась продать ей истребители F-104. В определенной мере это была и плата за использование пакистанской территории как базы для американских самолетов-разведчиков «У2» [19. С. 800; 20. С. 111–112].

Соединенные Штаты решили также активизировать свое участие в военной комиссии ближневосточной военно-политической организации. Так, например, Д. Эйзенхауэр включил в состав американской делегации для работы в Совете СЕНТО 28–30 апреля 1960 г. в Тегеране высших американских военных чинов – членов ОКНШ, начальника штаба ВВС США Т. Уайта и др. Как отмечал К. Гертер, это произвело благоприятное впечатление на региональных участников организации, расценивших такой знак внимания как свидетельство особой важности, придаваемой Соединенными Штатами СЕНТО [5. С. 253–254].

Какие бы требования не выдвигали мусульманские члены Организации центрального договора, правительство Д. Эйзенхауэра было убеждено, что ни Турция, ни Пакистан, ни Иран не выйдут из СЕНТО только лишь из-за того, что США не стали его членом. Ориентация

этих государств на сотрудничество с Западом была достаточно прочная, о чем свидетельствовали события в Турции весной 1960 г.

27 мая 1960 г. в Анкаре произошел государственный переворот. Армия свергла правительство А. Мендереса, который в последние годы своего правления использовал откровенно авторитарные методы руководства. Новое турецкое правительство во главе с генералом К. Гюрселем поспешило заверить ведущие страны Запада, что приверженность Турции НАТО и СЕНТО остается неизменной. На следующий день после смены власти в Турции генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев отправил послание К. Гюрселю, в котором выразил свою надежду на то, что внешняя политика Турции станет нейтральной. Глава турецкого правительства на это письмо не ответил. 30 мая 1960 г. Соединенные Штаты официально признали новое руководство Турции [26. С. 122; 30. С. 125–129].

Государственный переворот в Турции вновь заставил администрацию Д. Эйзенхауэра вернуться к вопросу о судьбе шахского режима в Иране. По указанию Президента США аппарат Совета национальной безопасности (СНБ) подготовил в начале июля 1960 г. доклад о политике Соединенных Штатов в отношении Ирана. Основным выводом экспертов СНБ был неутешительным: «без внутренних реформ монархия вероятнее всего будет свергнута», однако, «несмотря на слабость шахского режима, отсутствие какой-либо конструктивной про-Западной альтернативы (шаху. – В.Р.) обуславливает необходимость поддержки режима для реализации интересов США в Иране». Выход из создавшегося в Иране положения аналитики СНБ видели в «...реформировании архаичной социальной, экономической и политической структуры Ирана... усилении аппарата внутренней безопасности шаха» [5. С. 680–688]. Таким образом, по мнению Соединенных Штатов, удержать режим М.Р. Пехлеви от падения и, следовательно, обеспечить американские интересы в Иране, можно было путем сочетания экономических реформ и репрессий в отношении противников шахского режима. Этот подход стал активно развиваться в годы президентства Дж.Ф. Кеннеди.

К использованию методов блоковой политики на Ближнем и Среднем Востоке американских политиков во многом подталкивало успешное сколачивание НАТО в конце 1940-х гг. Однако реалии регионального развития и ограниченность финансовых средств охладили первоначальный энтузиазм сторонников применения блоковых методов в правящих кругах США. Переименование Багдадского пакта в Организацию центрального договора не изменило скептического отношения ведущих стран НАТО к военному значению этой организации. Политика Соединенных Штатов была нацелена на то, чтобы удерживать этот блок «на плаву», не предпринимая серьезных усилий по созданию из СЕНТО эффективного военно-политического инструмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пелипась М.Я.* Дж.Ф. Даллес и американские планы создания военной организации стран «северного яруса» Ближнего и Среднего Востока // Исторические и историографические проблемы американской и английской буржуазной дипломатии. Томск, 1991.

2. *U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee. (Historical Series). Vol. IX. 85th Congress, 1st Session, 1957. Wash., 1979.*
3. *Политика США на Ближнем и Среднем Востоке (США и страны СЕНТО) / Отв. ред. Б.Г. Гафуров. М., 1960.*
4. *Ovendale R. Britain, the United States, and the Transfer of Power in the Middle East. L.; N.Y., 1996.*
5. *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Vol. XII. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. Wash., 1993.*
6. *The United States and Iran. A Documentary History / Ed. by Y. Alexander, A. Nanes. Frederic, MD, 1980.*
7. *McGhee G. The US-Turkish-NATO Middle East Connection: How the Truman Doctrine Contained the Soviets in the Middle East. N.Y., 1990.*
8. *Алибеёли Г.Д. Иран и сопредельные страны Востока (1946–1978). М., 1989.*
9. *Goktepe C. The 'Forgotten Alliance'? Anglo-Turkish Relations and CENTO, 1959–1965 // Middle Eastern Studies. 1999. Vol. 35, № 4.*
10. *British Documents on the End of Empire. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957–1964. Part II: Economics, International Relations, and the Commonwealth. L., 2000.*
11. *American Foreign Policy: Current Documents, 1959. Wash., 1959.*
12. *Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, 1980.*
13. *The Times. 1959. March 9.*
14. *Pollack K. The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America. N.Y., 2004.*
15. *Bill J.A. The Eagle and Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven; London, 1988.*
16. *Little D. American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945. Chapel Hill; London, 2002.*
17. *Miglietta J. American Alliance Policy in the Middle East, 1945–1992: Iran, Israel, and Saudi Arabia. Lanham, 2002.*
18. *FRUS. 1955–1957. Vol. VIII. South Asia. Wash., 1987.*
19. *FRUS. 1958–1960. Vol. XV. South and Southeast Asia. Wash., 1992.*
20. *Kux D. The United States and Pakistan, 1947–2000: Disenchanted Allies. Baltimore; London, 2001.*
21. *Пелунас М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1956 гг.). Томск, 2003.*
22. *Heinlein F. British Government Policy and Decolonization, 1945–1963. L., 2002.*
23. *Navias M. Nuclear Weapons and British Strategic Planning, 1955–1958. Oxford, 1991.*
24. *Rees W.G. Anglo-American Approaches to Alliance Security, 1955–1960. L., 1996.*
25. *Agmon M. Defending the Upper Gulf: Turkey's Forgotten Partnership // Journal of Contemporary History. 1986. Vol. 21, № 1.*
26. *Hale W. Turkish Foreign Policy, 1774–2000. L., 2000.*
27. *The History of the Joint Chiefs of Staff: The Joint Chiefs of Staff and National Policy. Vol. VII: 1957–1960. Wash., 1968.*
28. *Trevelyan H. The Middle East in Revolution. L., 1970.*
29. *Department of State Bulletin. 1959. October 26.*
30. *Yesilbursa B.K. The «Revolution» of 27 May 1960 in Turkey: British Policy towards Turkey // Middle Eastern Studies. 2005. Vol. 41, № 1.*

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2009 г.